

Своевременность орошения в степях и как положить ему начало. - Санкт-Петербург: тип. В. Демакова, 1876.

Фрагмент о меннонитах.

Здесь мы считаем обязанностью вновь остановиться на заметке князя В. Васильчикова, потому что, требуя восстановления лесонасаждений путем поощрения, примера и щедрых пособий со стороны правительства, чтобы остановить вовремя быстрое ухудшение климатических условий страны и совершающееся в колоссальных размерах расхищение черноземной почвы, он ссылается на пример меннонитских колонистов, которые развели же у себя лес. Зная, что меннонитские колонисты в южной России поселены в местности безлесной, маловодной и вдобавок даже с часто безснежными зимами, т. е. безлесной и безводной по преимуществу, и к тому же, никогда не бывши на местах, надо было найти достаточно авторитетное свидетельство какого-нибудь меннонитского колониста в том, что тут что-нибудь да не так. Не может же быть, чтобы, попросту, у меннонитов рос лес там, где долженъ расти один только кустарник, да и то плохой.

К счастью, такое свидетельство имеется и вполне разрешает недоразумение.

Около тридцати-пяти лет тому назад, бывший в то время членом-корреспондентом ученаго комитета министерства госуд. имуществ молочанский колонист Корнис доставил, напечатанную в VI томе журнала министерства, заметку, с приложением топографического плана местности; из этой заметки оказывается следующее.

Молочанские колонисты орошают свою, чуть не абсолютно безводную степь водою от тающего весною снега. Поперег лощин, впадин и пологих оврагов своей плоской и ровной степи они возводят целую серию небольших плотин, которыми задерживается снеговая вода. Устройство этих плотин допускает спуск воды, по желанию, из вышележащих запруд в лежащая ниже. Кроме того, плотины располагаются так, чтобы вода подходила к садам и огородам у самых домов селения. По замечанию Корниса, сбегаящая со степи снеговые воды имеют значительную удобрительную силу, и с покосов, которые в течение нескольких дней были затоплены снеговою водою для орошения, получается тройной сбор сена. Менее обильный урожай получается только после малоснежных зим и недостаточного, вследствие того, накопления снеговой воды в оросительных резервуарах.

Оказывается, таким образом, что земля, на которой у меннонитов вырастает лесъ, обводнена на сколько-то возможно было сделать, т. е. на сколько позволяет количество выпадающаго зимою снега.

Следовательно, пример молочанских колонистов подтверждает то же самое: оросите и обводните степь на сколько-то возможно и удобно по местным условиям, — иного исхода нет. Правда, под защиту какой-нибудь возвышенности от восточнаго и северо-восточнаго ветров, в лощине с водотоком, возможно (не жалея денег, — в таком случае, непременно казенных) вырастить сотню-другую десятин леса; но это будет уже очень дорогая игра в искусственное лесоразведение, которая останется без всякихъ последствий, чему есть дорогостоющий пример.

После всего сказаннаго, сам собою представляется на разрешение окончательный вопрос: как же поступить там, где не существует тех же исключительно благоприятных условий топографического очертания местности и таких же малоснежных зим, как в молочанских

колониях,—где, поэтому, орошение «и обводнение в серьезных, неигрушечных размерах потребует огромных водоёмов и колоссальных плотин, для накопления снеговой воды, и где дело не может совершаться так просто, как там; а это затруднение представится везде, за исключением, может быть, некоторой части ногайской степи; и откуда же, наконец, при таких неодолимых на практике затруднениях, взять воду для серьезного приступа к делу в серьезных размерах, т. е. на десятки тысяч десятин?

Тут, как и во всяком ином вопросе, есть частности, составные части, из которых он складывается. Переходя же от общего к частному, в данном случае, и руководствуясь правилом, что всякое дело должно делать вовремя, очевидно необходимо, прежде всего, справиться у хозяйственного опыта: когда именно, в какую пору года, в наших безлесных степях, влага в почве, а, следовательно, и орошение ее всего необходимее? На всем обширном пространстве наших черноземных степей эта необходимость определяется временем первоначального роста хлебов и трав, т. е. много-что четырех или пятинедельным промежутком времени; тоже самое относится и к древесной растительности, потому что это и есть именно время наибольшего полносочия древесных растений вообще. Урожай или неурожай определяется исключительно этою порою года, когда господствуют иссушающие почву восточные ветры, а достаточно обильные дожди— редкость, отчего и принято за неизменное почти правило считать на один год урожая, впродолжение десяти-летнего периода, три года совершенной засухи. По миновании этой поры, в орошении нет уже надобности, потому что в середине лета непременно падают дожди, иногда проливные, мешающие уборке хлеба и сена.